

УДК 82-17-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-86-95

ЗДОРОВЬЕ И БОЛЕЗНЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ Н.М. КАРАМЗИНА*

Алпатова Т.А.*Московский государственный областной университет
105005, Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются мотивы здоровья/болезни в творчестве Н.М. Карамзина в свете художественной антропологии, гносеологии и антологии писателя; предложена типология генетических источников этого мотива и путей его раскрытия в карамзинском творчестве. На примере стихотворений, повести «Евгений и Юлия», «Писем русского путешественника» сделаны выводы о специфике представлений писателя о болезни как проявлении непредсказуемости бытия, бессилия человека в борьбе с непознаваемыми метафизическими закономерностями мироздания и необходимости принять их, которая в художественных размышлениях Карамзина осмысливается как залог истинного душевного здоровья человека. Сделаны выводы о значении мотивов здоровья и болезни в движении литературы рубежа XVIII–XIX вв. от нормативно-традиционалистской к индивидуально-творческой концепции человека.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, художественная философия, мотив, образ, медицина и литература.

HEALTH AND DISEASE IN THE ARTISTIC SYSTEM OF N. KARAMZIN

T. Alpatova*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article considers the motives of health / illness in the work of N. Karamzin in the light of artistic anthropology, epistemology and anthology of the writer; the typology of genetic sources of this motive and ways of its disclosing in Karamzin's works are presented. On the example of the poems, the novel "Eugene and Julia", "Letters of a Russian Traveler" conclusions are made about the specifics of the writer's attitude to a disease as a manifestation of the unpredictability of life, impotence of a human in the fight against unknowable metaphysical laws of the universe and the need to accept them, which is interpreted in artistic thinking of Karamzin as a pledge of true mental health of a person. The conclusions are also made about the importance of health and disease motives (from regulatory traditionalist to the individual human creative concepts) in the literature abroad in 18-19th centuries.

© Алпатова Т.А., 2017.

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 15-04-00494 «Н.М. Карамзин: энциклопедический словарь» / The work was supported by grant RFBR № 15-04-00494 «N.M. Karamzin: encyclopedic dictionary».

Key words. N. Karamzin, art philosophy, motive, image, medicine and literature.

В культурно-художественной антропологии осмысление базовых состояний человека – здоровья и болезни – неизбежно перерастает рамки простой физической констатации и концептуализируется в формах поэтического языка, выходя на уровень одной из важнейших литературно-культурных универсалий, причём пути и способы, которыми идёт этот процесс концептуализации, многое могут сказать как о понимании человека, характерном для данной эпохи, так и о специфике языка искусства, в котором эта концепция выстраивается. Справедливое для литературно-эстетической эпохи как целого, это положение будет справедливым и по отношению к художественному миру отдельного автора. Вопрос о том, что есть здоровье и болезнь, какого человека и почему можно считать здоровым или больным, какова специфика авторской оценки того или иного состояния, сам набор «диагнозов» и их значение в структуре художественного текста (от сюжетной мотивировки до основы философии характера) будет по-разному раскрываться у Мольера или Гёте, Пушкина или Лермонтова, Л. Толстого или Достоевского, Вересаева или Чехова... Вопрос, «чем болеют герои» того или иного писателя, как они это делают и к какому исходу это их приводит, при всей наивности звучания в конечном итоге означает вопрос о жизни и смерти, о человеке в самом «философском» смысле этого слова, о возможностях, пределах и границах его бытия [4, с. 341-349; 7].

Предметом статьи избраны концепты здоровья/болезни в произведениях

Н.М. Карамзина. Они представляются достаточно важными для художественной антропологии писателя и, по-видимому, динамика их раскрытия в карамзинском мире в первую очередь зависела от общей установки на постижение индивидуального своеобразия личности, подробностей душевной жизни человека, которые органичнее и полнее раскрываются как раз в моменты, когда его социально-функциональная «роль» отступает на второй план, а на первое место выходит естественное, изначальное «лицо». Вопрос о том, в каком из функциональных состояний человека наиболее явственно раскрывается его сущностная природа, различно решался в нескольких литературно-культурных традициях, на стыке которых и формировалась художественно-философская система Карамзина.

Собственно, «открытие болезни» в её психологических, антропологических, эстетических и философских возможностях для осмысления человека совершается литературой на рубеже нормативно-традиционалистского и индивидуально-творческого типов художественного сознания. Для нормативно-рационалистической эстетической системы, в идеологическом плане ориентированной на идею пользы, государственного сложения, «соразмерности и сообразности» личностной самореализации в социуме, болезнь как невозможность этой реализации представлялась безусловно в негативном ключе, поэтому либо отсутствовала вовсе, либо возникала в сатирических жанрах именно как «отступление» от должного и потому в той или иной

форме подлежала осуждению/преодолению. «Высокие» герои классицизма – либо живые, полные сил, исполняющие своё предназначение, либо мёртвые, его исполнившие, почитаемые и оплакиваемые как раз в соответствии с тем, каково было это предназначение в контексте общегосударственного целого. В русской литературе первой–второй трети XVIII столетия наиболее яркое изображение болезни – жанр «сатирического рецепта», в котором узнаваемая форма речевого жанра позволяла вывести порок именно как пример нарушения истинного (т. е. здорового) состояния человека – болезнями изображаются авторское тщеславие, жестокость и бесчеловечность помещика, бессмысленное кокетство и т. п. Эту просветительскую оценку болезни демонстрирует и Екатерина II – как в мемуарах и письмах¹, так и в аллегорических сказках – см. «Сказку о царевиче Февее», мотивы которой реализуются и в оде Г.Р. Державина «Решемыслу» [1, с. 257-263].

Иной полюс традиции составляла «чувствительная» трактовка мотива болезни как состояния, в котором человек «выпадает» из привычных социальных ролей, приближается к истинной сущности, не имея силы носить светскую личину. Оказавшись на грани жизни и смерти, он очищается от всего наносного и проявляет свои истинные качества. Так возникает неразрешимое противоречие между равно властными импульсами: рациональным стремлением к здоровью и иррациональным в своём существе восприятием болезни

¹ Здесь, по выражению Т.И. Акимовой, создаётся особый «медицинский дискурс» [2, с. 15-21], призванный раскрыть корреспондентам глаза на то, каким образом следует строить «правильную» и разумную жизнь.

как «момента истины» человеческого существования. Позднее, в эпоху романтизма это приведёт литературную антропологию к своеобразному «культу болезненности»; менее радикальная в своих выводах, в принципе склонная к компромиссу с рационализмом сентиментально-предромантическая художественная система решает эту дилемму благодаря мотиву «выздоровления»: будучи неким пограничным состоянием, переходом от болезни к здоровью, выздоровление позволяет в полной мере пережить обострённое чувство собственной «человечности» (раскрывающееся во внесоциальном, «истинном» моменте болезни), погружённости в «природу», от которой приходит к человеку как болезнь, так и здоровье, и наконец, испытать радость пробуждения к новой жизни². Контрапункт этих состояний определяет развёртывание лирического сюжета в стихотворении Карамзина «Выздоровление», где есть место как воспоминаниям о тяжёлых страданиях («*Сумрачны дни мои были. // Каждая ночь // Медленным годом казалась // Бедному мне. ... Черная кровь возмущала // Ночи мои // Грозными, страшными снами, // Адской мечтой...*» [6, с. 30-31]), так и радостным чувством новой жизни:

*Все для меня обновилось;
Всем веселюсь:
Солнцем, зарею, звездами,
Ясной луной* [6, с. 31].

² По-видимому, в этом качестве «переходного» состояния *выздоровление* находит предпочтение в сентиментально-предромантической художественной системе наряду с типологически родственными своей «переходностью», динамикой концептами *осени* (времени между пышным летом и горестной зимой), *сумерек*, *меланхолии* и т. п.

Наиболее парадоксальную ветвь традиции, с которой взаимодействовала динамическая, изменчивая художественная система Карамзина, составляла рокайльная трактовка болезни как своеобразного проявления непредсказуемой изменчивости мира. При этом невозможность строить какие бы то ни было планы, рационально «расчитать» свою жизнь раскрывалась не как следствие христианской истины о том, что «человек предполагает, а Бог располагает», но, скорее, как агностицистская в своём существе: болезнь как внезапный «случай», взрывающий ход привычного существования, разрушающий человеческое благополучие, несущий страдания и смерть, непредсказуема и необъяснима. Единственной возможностью своеобразной «защиты» в этой ситуации человеку остаётся ирония – мотив, неоднократно проявляющийся в западноевропейской литературе XVIII столетия, нашедший своё место и в карамзинском творчестве.

В самом общем виде семантика мотива здоровья/болезни в художественном мире Карамзина развёртывается на нескольких уровнях. Прежде всего, это близкое религиозно-дидактической традиции восприятие болезни как неизбежного испытания, которое сопровождает человека на протяжении всей жизни и является концентрированным воплощением страданий земного существования, предваряющих небесное избавление. Далее оказывается собственно рационалистическое понимание болезни как следствия нарушения разумного поведения и своеобразной «расплаты» (обычно сопровождающееся более или менее отчётливым осуждением или насмеш-

кой). Наконец, одной из граней трактовки здоровья и болезни оказывается связанное с идеей чувствительности восприятие болезни как возможности стать самим собой, – причём характерный для сентиментально-предромантической художественной системы пафос сочувствия способствовал окружению болезни ореолом трогательности, как состояния человека, вызывающего сострадание, также являвшегося безусловной ценностью в рамках данной литературной школы.

В произведениях Карамзина в наименьшей мере представлена первая, собственно религиозно-дидактическая трактовка мотива болезни. Она присутствует в одном из юношеских стихотворений «Господину Д* на болезнь его», где последовательно раскрывается весь комплекс мотивов, связанных с данным контекстом восприятия болезни: она неизбежна как атрибут земной жизни («*Страдает всяк, кто в нём живёт...*»), но будет преодолена после смерти, когда все мы «... в страны блаженные вселимся, // Где нет болезни, смерти нет...» [6, с. 17]. Схожим образом утешает болящую старушку Лафатер – герой «Писем русского путешественника»: «*Не страшись гроба и могилы; не ты, но только брненное тело твоё в них заключится. В самую ту минуту, когда глаза твои закроются навеки для здешнего мира, воссияет тебе заря вечной и лучшей жизни. ... Там, там составим мы все одно щастливое семейство!*» («<57> Цирих») [5, с. 117].

Рационалистическая просветительская традиция своеобразной «насмешки» над болезнью, или, во всяком случае, осуждения её как «неправильного», недолжного состояния челове-

ка в карамзинском художественном мире обычно находит отголосок в изображении «болезни от любви» – когда чрезмерная чувствительность героя делает его поистине беззащитным перед нахлынувшим чувством. В раскрытии этого мотива можно видеть и своеобразную эволюцию, поскольку первым опытом обращения к нему оказывается повесть «Евгений и Юлия», представляющая именно чувствительную трактовку подобной сюжетной ситуации. Её герой, счастливо влюблённый юноша, заболевает и в конце концов умирает не от печали, а, напротив, «будучи в беспрестанном восторге высочайшей радости» [6, с. 256], оставив навеки горевать свою мать и возлюбленную.

Эта юношеская повесть Карамзина представляет интерес в связи с рассматриваемой темой и потому, что здесь наиболее подробно и детально изображается сам ход болезни героя, которая является единственным, поворотным событием сюжета и по существу оказывается единственным действительно свершившимся фактом. При этом болезнь героя абсолютно лишена конкретных примет – она появляется внезапно именно как чистое «событие» на общем статичном фоне. Сам герой, да и все окружающие всячески стараются отвлечь его («Евгений около вечера почувствовал в себе сильный жар. Он не хотел чувствовать его, хотел превозмогать натуру...» – «Страх разлился по всем нервам их... все были в смятении, но все старались ещё льстить себя надеждою...» [6, с. 257]); ход болезни, по существу, и определяет ход сюжета истории, однако в целом она не становится конкретнее, оставаясь столь же загадочной и

грозно-неотвратимой: «три дни ... болезнь его то усиливалась, то уменьшалась...», «пламя болезни стремилось в нём охватить все потоки жизни...» [6, с. 257]. Сама болезнь и смерть героя, за нею последовавшая, в конечном итоге осмысливаются в повести как доказательство печальной истины о том, что подлинное счастье, красота, добро невозможны в этом мире, выражением чего становится и эпитафия Евгению: «Сей райский цвет не мог в сем мире распуститься – // Увял, иссох, опал – и в рай был принесён» [6, с. 258].

Болезнь любви, становящаяся роковой в судьбах героев, гораздо чаще у Карамзина раскрывается не столь парадоксально: оказывается следствием несчастливой, обманутой любви (см. включённую в «Письма русского путешественника» балладу «Алина»). Встраиваясь в тот своеобразный план «автобиографического сюжета» «Писем...», который связан с осмыслением здоровья и болезни, эта горестная история любящей жены, которая своей смертью от «болезни злой» хочет освободить разлюбившего её супруга, соотносится с размышлениями повествователя-путешественника о своеобразной «эпидемии» сумасшествий от любви, которым он предаётся во время посещения Бедлама в Лондоне. Сама эпоха, в которую он живёт, представляется ему словно бы эпохой безумия, когда человек ничем не защищён от «сильного действия страстей» [5, с. 342]. Он живёт, погружённым в покой, роскошь и утончённость, когда все силы его тратятся лишь на удовлетворение «желания нравиться» – «всё, всё наполняет душу горячим веществом для огня любовного» [5, с. 343] – и потому неудача в любви приобретает

для современников столь фатальный характер: *«душа слишком чувствительная к удовольствиям страстей чувствует сильно и неприятности их: рай или ад для неё в соседстве; за восторгом следует или отчаяние, или меланхолия, которая столь часто отворяет дверь ... в дом сумасшедших»* [5, с. 343]; *«мушны стреляются от любви, а нежная, кроткая женщина сходит с ума»* [5, с. 342].

В изображении «болезни от любви» у Карамзина могут примешиваться и более традиционные для нормативно-рационалистической художественной логики иронические нотки. В «Письмах...» такую оценку получает «любовная болезнь» попутчика Б* при встрече с «дамой из Ивердона» [5, с. 101-102], через несколько дней обернувшаяся всего лишь жестокой простудой [5, с. 176-178]. В рокайльных «безделках» Карамзина-поэта («Любовь к врагам», «К Лиле») сама любовь изображается как жестокая болезнь, терзающая юношу вследствие бессердечия красавиц: *«Взгляните на меня: я в двадцать лет старик; // Весь высох как скелет, едва таскаю ноги; // Смотрю в очки, ношу парик...»* [6, с. 134]; лишь «выздоровление» от любовной горячки способно вернуть покой сердцу – правда, взамен ожесточив его.

Наиболее интересным для характеристики художественно-философской системы Карамзина представляется рассмотрение болезни с точки зрения логики её развития, системы причинно-следственных связей, постигая которые, человек получает своеобразный шанс приблизиться к постижению высших закономерностей бытия – или окончательно разочароваться в их существовании.

Болезнь как «событие» человеческой жизни – наиболее ощутима, практически абсолютна в своей пограничности, разделяет существование на «до» и «после»; это событие наиболее нуждается в установлении как причинных («почему?», «за что?»), так и следственных мотивировок («что делать?»). Гипотетические (а то и реальные) страдания и смерть, которые болезнь несёт с собой человеку, до предела обостряют психологическую напряжённость этих вопросов – именно поэтому, возможно, развёртывание концептов здоровья и болезни оказывается столь значимым для оформления художественно-философской системы карамзинского творчества, ориентированного именно на антропологический, психологический аспект.

Мотив поиска причин болезни с энциклопедической полнотой раскрывается в «Письмах русского путешественника», причём Карамзин контрапунктно сводит друг с другом самые разные его трактовки, разворачивая практически полную парадигму возможных оценок. Каждая из них последовательно предлагается читателю, раскрывает свои возможности, причём предсказать заранее, каким будет итог подобного объяснения, практически невозможно (забегая вперёд, заметим, что эта эклектически-диалогическая природа карамзинского повествования становится доказательством бесплодности любого слишком однозначного детерминизма). Ярким примером в данном случае может быть объяснение болезни её «физическими» причинами, которое получает в «Письмах...» диаметрально противоположные оценки – от откровенной иронии до вполне серьёзного стремления ге-

роя-повествователя объяснять таким образом весьма серьёзные жизненные проблемы.

Ироничный взгляд на физический детерминизм в трактовке болезни заставляет путешественника решиться на смелый эксперимент, поставленный непосредственно над самим собой – он оказывается непобедим для простуды, промокнув от дождя и продрогнув от ветра во Франкфурте, причём утрированно «патриотическая» риторика, не слишком уместная в рассказе о столь бытовой ситуации, лишь усиливает иронический оттенок описания: *«Ненастье продолжается. Сижу в своей горнице, под растворённым окном; и хотя косой дождь мочит меня и разликает дрожь по моей внутренности, однакожь каменная Русская грудь не боится простуды, и питомец железного севера смеется над слабым усилием Маинских бурь...»* («<39> Франкфурт, 29 Июля») [6, с. 84].

Ироническое отношение у рассказчика вызывает и желание объяснять непосредственно физическими причинами различные нравственные несовершенства – причём конечной мишенью иронической оценки в данном случае, по-видимому, оказывается картезианская идея непосредственной зависимости душевных движений и состояний от телесных, физических причин¹. Такова подробно воспроизведённая на «франкфуртских» страницах книги концепция некоего «Доктора Медицины», уверенного, что «всё зло в мире происходит от того, что люди

не берегут своего желудка» [5, с. 84]. Путешественник подробно воспроизводит монолог этого врачевателя, становящийся злой сатирой на подобную механистическую концепцию: *«От чего Моралисты так мало исправляли людей? ... вместо всех словесных убеждений, надлежало бы им дать несколько приёмов чистительного»* [5, с. 84]. Усиливающаяся патетичность интонации не спасает; чем более риторичен и философичен монолог уверенного в своей правоте оратора, тем с большей вероятностью читатель ожидает парадоксального «падения» в конце: *«Беспорядок душевный бывает всегда следствием телесного беспорядка. Когда в машине нашей находится всё в совершенном равновесии; когда все сосуды действуют и отделяют исправно разные жидкости ... когда всякая часть отправляет ту должность, которую поручила ей Натура: тогда и душа бывает здорова; тогда человек рассуждает и действует хорошо; тогда бывает он мудр и добродетелен, и весел и щастлив»* [5, с. 84-85]; *«от чего в золотом веке были люди и добры и щастливы? Конечно от того, что они, питаясь только растениями и молоком, никогда не обременяли и не засоряли своего желудка»* [5, с. 85]. И ожидаемое вскоре происходит: вслед за всеми возвышенными философскими рассуждениями о природе человека и о «золотом веке» Доктор Медицины предлагает возвращать преступников на путь истинный – при помощи клизм. Рациональная логика не спасает от совершенно иррационального «скачка» – возможно, как раз потому, что в суждениях о мире нет и не может быть никакой единственной, везде и

¹ «...Всякое соединение какого-нибудь телесного действия с любой нашей мыслью требует, чтобы и в дальнейшем с проявлением одного проявлялось и другая...» (Р. Декарт «О душе») [3, с. 660].

всегда проявляющейся закономерности.

Важность данной проблемы для Карамзина в период работы над «Письмами ...» связана с общим интересом молодого писателя к вопросу о связи души и тела¹, о возможностях со стороны увидеть, понять и почувствовать внутреннее состояние человека, познать его «природу». И пусть слишком прямолинейные и настойчивые попытки объяснить душевные состояния исходя из физических причин зачастую представляются герою-путешественнику несостоятельными, однако сам он, размышляя о моральных страданиях современников, в ряду других причин иной раз именует и сугубо физические – так, «вечный туман с моря», «вечный дым от угольев» и обилие мясной пищи представляются ему вполне убедительными причинами английского сплина и его горестных последствий: «Англичане не любят никакой зелени. *Рост-биф, биф стек* есть их обыкновенная пища. От того густеет в них кровь; от того делаются они флегматиками, меланхоликами, несносными для самих себя, и не редко самоубийцами...» <курсив Карамзина. – Т.А.> («<134> Лондон») [5, с. 329].

Поиск причин болезни в карамзинском мире заходит в тупик именно потому, что сама категория причинности в том мире, в котором он живёт, утрачивает свою безусловность. Одним из примеров этого становится рассказанная в «Письмах...» история болезни некоего аббата Н* (первоначально напечатанная отдельно в виде

новеллы «Аббат» в «Московском журнале»). Как объяснить, почему учёный, остроумный, весёлый, бывший душой общества аббат «вдруг стал задумчив, печален, молчалив...» («<85> Февраля 2, 1790») [5, с. 185], удалился от света, подолгу мечтал. Молился, и однажды, после проведённой церковной службы, ушёл неведомо куда и исчез? Подробно пересказывая эту историю, рассказчик объясняет её ничего не проясняющей сентенцией – «в мире всё подвержено перемене» – ибо «причина, для чего Аббат возненавидел жизнь, по сие время неизвестна» [5, с. 187], и потому сама изменчивость, непредсказуемость бытия, его загадочность и есть единственная истинная причина там, где человек теряет возможность напрямую говорить о причинно-следственных связях.

Не менее загадочна и необъяснима собственная болезнь героя-рассказчика – жестокая головная боль, сразившая его в Женеве, от которой, разумеется, не могут помочь никакие доктора, ибо не понимают её истинной причины. Парадоксом здесь оказывается то, что она раскрывается герою именно когда он окончательно уверится в мысли об абсолютной невозможности её найти: болезнь послана Натурой, а впоследствии и милосердно удалена ею: «*Наконец благодетельная Натура сжалилась над бедным страдальцем, и сняла с головы моей свинцовую тягость. Вчера я в первый раз вздохнул свободно, в первый раз, вышедши на чистый воздух, поднял на небо глаза свои...*» («<79> Женева, 26 Ноября 1789») [5, с. 167]. Физический детерминизм самоуверенного рационалистического сознания заставляет искать единственную причину там, где на самом деле действуют необъяс-

¹ Глубокий анализ его рассмотрения Карамзиным в связи с его интересом к «Физиогномике» И.К. Лафатера представлен Ю.М. Лотманом [см.: 5, с. 464-498].

нимые рационально и неисчислимы метафизические законы, связи всего со всем в едином живом океане Натуры – не случайно, почувствовав выздоровление, герой приходит именно к этому переживанию вселенской гармонии, которая и становится для него самым убедительным критерием истинного здоровья – чувства абсолютного слияния всего со всем, гармонии душевных и физических сил, внешнего и внутреннего, человека, мира и всего океана бытия: *«Мне казалось, что вся Природа радовалась со мною – я плакал как младенец ... в сию минуту исчезло разделяющее нас пространство – я обнимал вас вместе с Натурою, вместе со всею вселенною!..»* [5, с. 167].

В размышлениях о здоровье и болезни карамзинский человек приходит к разочарованию в просветительской убеждённости, будто всё в мире подвластно разуму и «машину» человеческого существа можно правильно настроить и таким образом достичь

жизненного благополучия. Однако даже определить его – сложная задача, неразрешимая в простых и однозначных категориях, и загадка болезни, ужасной и вместе преобразующей и потому парадоксально благодетельной для человеческого существа, появляющейся неведомо откуда и столь же необъяснимо удаляющейся – до нового появления и, наконец, фатального исхода, – эта загадка становится в системе смыслов русского сентиментализма лишь одним из многочисленных предвестников той картины мира, что впоследствии будет окончательно реализована романтиками. Так концепты здоровья и болезни, неразрывно связанные между собой, в художественном мире Карамзина становятся одной из форм выражения не только антропологических, но и гносеологических, и онтологических идей, связанных с общим движением русской литературы той поры к становлению индивидуально-творческого художественного сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова Т.И. Смысл жизни дворянина в екатерининской «Сказке о царевиче Февее» и державинской оде «Решемыслу» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 4 (30). С. 257-263.
2. Акимова Т.И. Роль и место галантного дискурса в письмах Екатерины II 1762-1774 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2012. № 4. С. 15-21.
3. Декарт Р. Избранные произведения / ред., вступ. ст. В.В. Соколова. М.: Политиздат, 1950. 712 с.
4. Иваньшина Е.А. На пересечении границ: врач в русской литературе // Характерологические стратегии в русской литературе: коллективная монография / науч. ред. А.А. Фаустов. Воронеж: Научная книга, 2013. С. 341-349.
5. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / изд. подгот. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. Л.: Наука, 1987. 718 с.
6. Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 14: Стихотворения и стихотворные переводы. Проза 1780 – начала 1790-х годов. М.: Тера – Книжный клуб, 2005. 432 с.
7. Симян Т.С. Мотив болезни и врачевания в литературе Средневековья и Возрождения [Электронный ресурс] // Дживелеговские чтения. Вып. А. Ч. II. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/simyan-motiv-bolezni-i-vrachevaniya.htm> (дата обращения: 10.09.2017).

REFERENCES

1. Akimova T.I. [The meaning of life of a nobleman in Catherine's "Fairy tale about tsarevitch Fevey" and Derzhavin's ode "Reshemyslu"]. In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2010, no. 4(30), pp. 257–263.
2. Akimova T.I. [The role and place of courteous discourse in the letters of Catherine II 1762–1774]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika* [Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Series Studies in Literature. Journalism], 2012, no. 4, pp. 15–21.
3. Dekart R. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Politizdat Publ., 1950. 712 p.
4. Ivan'shina E.A. [At the border crossing: a doctor in the Russian literature]. In: *Kharakterologicheskie strategii v russkoi literature: kollektivnaya monografiya* [Characterological strategy in the Russian literature: the collective monograph]. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2013, pp. 341–349.
5. Karamzin N.M. *Pis'ma russkogo putesthestvennika* [Letters of a Russian traveler]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 718 p.
6. Karamzin N.M. *Polnoe sobranie sochinenij: v 18 t. T. 14: Stihotvorenija i stihotvornye perevody. Proza 1780 – nachala 1790-h godov* [Complete works: in 18 volumes. Vol. 14: verses and verse translations. Prose 1780 – early 1790s]. Moscow, Tera Book club, 2005. 432 p.
7. Simyan T.S. [The motif of illness and healing in literature of the middle Ages and Renaissance]. In: *Dzhivelegovskie chteniya. Vyp. A. Ch. II* [Dzhivelegov reading. Iss. A. Vol. II]. Available at: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/simyan-motiv-bolezni-i-vrachevaniya.htm> (accessed: 10.09.2017)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алпатова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana Alpatova – Doctor in Philological Sciences, associate professor, professor at the Department of Russian Classic Literature, Moscow Region State University;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алпатова Т.А. Здоровье и болезнь в художественной системе Н.М. Карамзина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 86-95
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-86-95

FOR CITATION

Alpatova T.A. Health and disease in the artistic system of N. Karamzin. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp. 86-95
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-86-95